

Короткий рассказ о том, как я провел последний год

Аноним с Ычана

Март 2010

Я тот самый кун, который писал здесь прошлой весной о том, что меня выгнали с работы, денег осталось ровно на месяц, родственников и друзей нет и есть только один выход — уехать в деревню, где находится старый дом, в котором когда-то жили бабушка с дедом и который является моим единственным наследством. Помните меня? Конечно же нет.

Так вот, деньги закончились, я собрал манатки, продал часть вещей на радиорынке и укатил в деревню на автобусе. Последний раз я там бывал лет десять назад (сейчас мне 23). Деревня с тех пор сильно опустела. Первое впечатление — «здесь что, воевали недавно?». Большинство домов заброшено, дорога в ужасном состоянии, на всю единственную улицу один магазинчик, в котором продают несвежий хлеб и водку. Двери сельсовета заколочены досками. На лавочках встречаются суровые мужики в потертых куртках.

Пока я шел к своему дому, все смотрели на меня круглыми глазами, а я старался не оглядываться.

Ворота оказались перевязаны проволокой с другой стороны, пришлось лезть через забор. Во дворе было все перевернуто и развалено, повсюду какие-то камешки и собачье дерьмо, а также остатки забора, который когда-то отделял огород от двора. Дверь в дом была приоткрыта, замок явно сорвали. Что было внутри, описывать не буду, зрелище удручающее и вспоминать не хочется. Скажу только, что вместо стекол в окнах был картон, старинная печка была разрушена, батареи сняты, счетчик электричества тоже.

Сейчас вы это читаете в своих уютненьких креслах в тепленьких квартирах и можете только догадываться, что чувствует человек, который понимает, что это — все, что у него осталось.

Да, я был в полной прострации. Мысли в голове судорожно вертелись, но никакого выхода из этой ситуации я не видел. Это было то место, где я должен был провести много-много времени.

* * *

Приехал я уже после обеда, ближе к вечеру. Так что времени на уборку (если это слово применимо к тому, что с этим всем надо было сделать) не было. Я просто сел на табурет, который по счастливой случайности остался нетронутым и включил ноут. Это было очень мучительно. Я понимал, что батареек хватит часа на полтора, но просто не мог делать ничего другого, кроме как смотреть на яркие картинки из того аниме, которое я себе

закачал перед отъездом. Я уже даже не помню, что это было, меня начало подташнивать и никакого удовольствия или даже успокоения я не получил.

Начало темнеть, заряд исчерпался, я сидел с каменным лицом посреди пустого бомжатника. К горлу подкатило то, что я ел утром, пришлось бежать на улицу и блевать.

Лирическое отступление. Я сознательно опустил все события, предшествующие этой поездке, и так же сознательно углубляюсь в подробности первого дня. Мне кажется, это поможет вам лучше меня понять, а может быть и поставить себя на мое место.

В дом возвращаться не хотелось и я пошел к воротам, снял проволоку, вышел на улицу. Метров через 300 слева был обитаемый дом, горел свет, справа два мальчика гоняли мяч вокруг клумбы возле сельсовета. Где-то далеко лаяли собаки. Было прохладно, я внезапно понял, что мне нужно будет где-то спать.

Я зашел во двор, обратно завязал ворота проволокой и пошел в дом. Там было темно и при свете дня, так как окна свет не пропускали, а теперь стало совсем ничего не видно. У меня была пачка свечек, я подготовился (помню, что в этот момент почувствовал себя очень умным и хозяйским парнем лол). Я зажег одну свечу, кое-как расчистил пол на кухне, постелил все три одеяла, которые у меня были и уселся. Предлагаю опять погрузиться в атмосферу того дня и представить тусклый неровный свет свечи, тени от разбитой в хлам мебели и тишину, разрываемую ритмичным лаем собак.

Посидев так два часа, я погасил свечку и постарался заснуть. И у меня получилось, как ни странно, уж очень я устал.

* * *

Несколько раз за ночь я просыпался, мне что-то слышалось, но я даже не вставал проверить.

Поднялся я часов в 11 утра. Голова болела, словно с похмелья, ноги были ватными, мышцы ныли. Ужасно хотелось кушать. Печенье, которое лежало в рюкзаке, я решил приберечь. Пошел в магазинчик, купил там хлеба, масла, очень странную колбасу и пачку соли.

Первая половина дня прошла в робких попытках навести порядок в доме. Первым делом я снял картонки с окна на кухне, вынес всю легкую мебель, потом начал вытаскивать большой сервант. Через час после такого вытаскивания я плюнул на все, сделал себе бутерброды и пошел в огород.

Это была поздняя весна, сорняки уже проросли. Малиновый садик, в котором я когда-то игрался, превратился в сухие заросли непонятно чего. Яблони, которые я когда-то помогал садить, выглядели вполне хорошо, если не считать нижних частей, которые были изъедены (скорее всего зайцами). Слева стояли два скелета из изогнутой полукругом арматуры, которые раньше были теплицами. На них до сих пор висели ошметки пленки. Рядом на двух высоких железных опорах стояла ржавая цистерна, предназначенная для полива.

Вот так я несколько часов проходил туда-сюда, вспоминая лучшее время своей жизни, когда приезжал летом «к бабушке». Пару раз чуть не расплакался в порыве жалости к себе.

Когда возвращался, через ворота зашел какой-то человек и стал оглядываться. Я помахал рукой и что-то крикнул. Он меня заметил и пошел

навстречу. Человек был явно деловой и важный, двигался быстро и уверенно, а еще очень сильно хмурился.

Он решил сразу перейти к делу и поинтересовался, как меня зовут (Эй, ты кто такой? А ну пошел отсюда!). Я пытался объяснить, что я владелец и что у меня есть документы, но человек продолжал махать руками, явно хотел меня прогнать, словно заблудившуюся курицу.

* * *

При всей бесцеремонности своего поведения, этот хмурый человек не казался агрессивным и не пытался воздействовать на меня физически. Я оставил попытки объясниться и пошел к дому. За спиной слышались угрозы вызвать милицию.

При виде беленьких бумажек с печатью человек резко успокоился и начал вести себя вменяемо. Бумаг я ему не давал, но из того, что он увидел и услышал от меня, он, наконец, понял, кто я такой.

Так это ты Роман?

Да, это я.

Вот такой нехитрый диалог сильно помог мне в будущем.

Человека звали Илья и был он каким-то родственником моей бабушки. Именно он приглядывал за домом и огородом. Получалось это у него не так что бы хорошо.

Остаток дня ушел на беседу с этим Ильей. Я рассказывал, как я жил последние десять лет, он мне в свою очередь не рассказал о себе почти ничего, только расспрашивал.

Я был приглашен на ужин. Домик у него был маленький, зато детей было трое, плюс бабка и какой-то странный азиат со смуглой кожей. Меня накормили картошкой и капустой, дали чая, предлагали водки, но я отказался. «Домой» я возвращался сытым и опустошенным. Общаться с Ильей и с его женой было довольно утомительно. Они вытянули из меня все, что успели, и дали понять, что на этом наши посиделки не закончились. Я для них был своеобразным аттракционом.

Дом меня встретил торчащим из двери сервантом. Кое-как я пролез внутрь, зажег свечу и таки вытолкал этого монстра наружу. Затем допил остатки колы из рюкзака, бухнулся на одеяла и довольно быстро уснул.

* * *

Здесь опять нужно сделать лирическое отступление и прояснить два момента. Перед отъездом денег у меня было на месяц оплаты квартиры. Но это с учетом того, что я уже был должен. Поэтому у меня был выбор — отдать последние деньги и просидеть в пустой квартире еще месяц или без всякой разведки и подготовки уехать с деньгами. Конечно, я поступил не очень красиво, но в тот момент это было делом выживания. Именно поэтому я появился в деревне сходу и никакого плана у меня, в общем-то, не было.

Следующую неделю я наводил порядок в доме и во дворе. Занятие это было не из приятных, приходилось много напрягать спину и ноги, что для компьютерного задрота довольно трудно. Как раз в то время я начал понимать, что я слегка опоздал к «посадочному сезону» и что садить картошку уже поздно. Зато, как мне рассказал Илья, можно было садить огурцы,

помидоры и морковь. Кстати, об Илье. Он любезно разрешил мне пользоваться своим колодцем, так как тот, что был у меня во дворе, загадился чем-то очень вонючим. Конечно, таскать ведра с водой через всю деревню было не самое легкое занятие, но это лучше, чем сидеть без воды или покупать ее в магазине за последние деньги. Еще меня постоянно приглашали ужинать и я не отказывался. В их доме было светло, тепло, шумел телевизор. Это было спасение от поглощающей меня депрессии. Разговоры, в основном, вертелись вокруг большого города и политики. Я старался как можно точнее соответствовать тем взглядам, которые исповедовались в этой семье и никогда с ними не спорил, так как мне тогда казалось, что это будет чревато ссорой. А уж как выясняют отношения в глубинке, я мог только догадываться. Еще хочу заметить, что Илья пил много и громко, компанию ему составлял тот самый азиат (хотя он-то как раз почти и не пил).

Как я уже писал выше, пора было что-то сажать. Семена поблизости не продавались, ехать в районный центр было накладно (я берег наличку, как мог). Илья мне посоветовал пройтись по домам, где живут одинокие бабульки, у них точно есть чего сажать. Я так и сделал. Из четырех домов, которые я обошел, в трех меня встретили довольно грубо и послали в «далеко». В четвертом доме жила очень старая бабушка, почти глухая, зато добрая. У нее были семена и она отдала мне их даром. Но умоляюще попросила меня прополоть ей грядку с клубникой. Конечно, я не отказался (потом я сильно удивлялся, что у одинокой бабульки есть практически клубничная плантация на соток восемь-десять).

Вот в таких заботах прошла весна и началось лето. Я полтел клубнику, сажал огурцы с помидорами, изнывал от тоски, кушал уже вкусную «молодую» картошку у Ильи, опять изнывал от тоски и засыпал на уже порядком изношенных и грязных одеялах на кухне своего нового дома.

* * *

Со времени моего приезда сильно потеплело. Большую часть времени я уже ходил в одних штанах, голым по пояс. Я закончил с клубникой, посадил много (как мне тогда казалось) огурцов и помидоров и думал, чем теперь себя занять. Было решено построить небольшую беседку, если это так можно назвать. Дело в том, что в темном и душном доме спать не хотелось, на улице было хорошо и я подумал, что было бы неплохо спать на свежем воздухе. Для этого и нужна была беседка.

Это занятие очень помогло мне выйти из депрессии. Началось настоящее лето, я был занят православным «мужицким» делом, бледное тело постепенно поджаривалось на солнце и даже очень скудное питание не мешало наслаждаться всем этим.

Я одолжил у Ильи топор и пилу и занялся строительством (громкое слово для такого занятия, но все же). За огородом была большая поляна, а дальше текла река, за которой начинался хвойный лес. Когда-то это было мое любимое место во всей деревне. Сейчас же там заросли все тропинки, река превратилась в ручей, вокруг которого росли камыши, деревянный мост обветшал и я не рискнул через него переходить. К тому же я с ужасом обнаружил, что в траве ползают змеи. Маленькие такие ужички.

В общем, пришлось рубить деревья на поляне. Это были сосны, не очень высокие, зато достаточно толстые. Все, что мне надо было, я нарубил и

натаскал за три дня. Надо заметить, что такая вырубка сначала заставляла меня чувствовать себя каким-то браконьером. Но, чем дальше я рубил, тем отчетливей понимал, что вокруг ни души, деревня умирает и эти сосны явно никогда бы не стали частью парка или аллеи. И что пройдет еще не одно десятилетие, прежде чем сюда начнут приезжать новые люди.

Мое строительство продвигалось не очень быстро. Слишком много времени уходило на всякие мелочи. Постоянно приходилось просить у Ильи инструменты, а он часто куда-то пропадал или был в дым пьян. Наконец, я таки нарезал все бревна, установил четыре угла, все держалось прочно и я был доволен. Вот только нужны были гвозди, которых я нигде не смог достать. Маленькие нашлись сразу, но мне подходили только «длинные специальные», как их назвал Илья. На этом я уже хотел признавать свой проект неудачным, но тут до меня дошло, что во дворе куча досок, которые я могу использовать. Речь шла, в основном, о заборе, который отделял (бывший) сад от огорода. Через несколько дней у меня было готово нечто кривое и страшное, зато крепкое. Я притащил туда остатки шкафа, из которого сколотил подобие кровати. Сверху пока что было только небо, делать крышу не было смысла.

Тоска все еще буквально душила меня за горло. Я с раннего возраста привык, что и дома, и на улице в наушниках играет музыка. Кроме того, я любил читать. Но без электричества нет ни ноута, ни, как следствие, музыки и книг. Конечно, я мог бы ходить и заряжать его к Илье, но глядя на то, как он иногда себя ведет, мне не хотелось показывать ему игрушку, вырубку от которой хватило бы на «забухать епт» до зимы.

* * *

Начался июль. Жизнь деревни, и без того медленная, полностью застыла. Иногда казалось, что все умерли и я остался один. Тишину изредка нарушали грузовики с цистернами, которые увозили купленное у местных молоко. Я ухаживал за своим огородом, вбивал дощечки и подвязывал, как меня когда-то учили. Начались ливни, приходилось часами сидеть на крыльце и тупо смотреть перед собой. Кстати, таким образом я себе стирал одежду — протянул веревку от крыльца до забора и вешал туда свои лохмотья во время дождя. Наверное, не нужно уточнять, что за это время я стал выглядеть как суровый сельский хлопец — грязный, обгоревший на солнце, в стремных джинсах и с голым торсом. Правда, слишком худой, как для деревни.

Я сделал несколько вылазок в соседний населенный пункт. У них имелась школа и библиотека при ней. Я этому обстоятельству очень обрадовался, так как просто невероятно хотелось читать. Библиотекарша выслушала мою историю, но на отрез отказалась давать мне книги — «только для учеников школы». В итоге, после долгих уговоров она согласилась давать мне по одной книге за раз, записав данные из моего паспорта. Книги были, преимущественно, из школьной программы, так что появился хороший повод прочитать то, что я в свое время проигнорировал на уроках литературы. Где-то неделю я провел за чтением. Это было прекрасное время, все мои заботы и тревожные мысли как рукой смыло.

Но это маленькое счастье продолжалось не долго. Мои сбережения почти иссякли и нужно было думать, что кушать. У Ильи я питался раз в

день, да и то, не всегда, а больше халявных источников пищи у меня не было.

Вот так я начал работать на стройке. Тот самый молчаливый азиат, о котором я писал в начале, время от времени ездил в соседний район строить дачи. Выглядело это так: в пять утра к небольшой площади возле сельсовета подъезжает старенький ЗИЛ, полностью забитый «строителями», туда заваливается очередной работник, и вся эта компания по жутким дорогам едет полтора часа, подбирая по ходу дела желающих. К концу поездки свободного места на лавочках возле бортов не остается и люди просто садятся, как могут. Некоторые из них очень пьяные и всю дорогу спят, пуская слюни.

Выхода у меня не было и я начал ездить с ними. Хотя с виду мои новые коллеги были не очень приятными людьми, но за все время ни один не вышел за рамки. Шутки у них грубые, но никаких оскорблений. Обычные рабочие люди.

Ездил я с ними пять раз. Два раза возвращались вечером, остальные три — ночевали в вагонах и фургонах прямо там. Командовал нами какой-то украинец, судя по акценту. Меня сильно не нагружали, учитывая то, какой я худой. Хотя и эта пониженная норма давалась мне с большим трудом. Носить ведра с песком и цементом, мешать раствор, потом ходить с кирпичами — это не то, на что я рассчитывал, сидя на парах в своем институте. Зато кормили хорошо и регулярно. Платили тоже нормально (учитывая короткое время работы).

Несмотря на все это, после пятой поездки я сдался, уж слишком болела спина после таких путешествий. Зато теперь я мог сделать то, что давно хотел — поставить стекла в дом. Сидеть в закрытой коробке, в которую даже лунный свет не проникает, мне не хотелось. Стекольщика нашел в том самом населенном пункте, где брал книги. Получилось намного дешевле, чем я думал. После этого я окончательно навел порядок в доме, притащил старый диван, который увидел в сарае у той самой бабушки с клубникой. Диван был феерически оригинальным. Я склоняюсь к мысли, что делали его еще до войны, а то и до революции. Он был обтянут каким-то коричневым материалом, который походил на кожу, но при этом был тканью с нанесенным сверху лаком. Чуть мягче дерева, зато это уже настоящая кровать, а не то чудо, которое я сколотил.

* * *

В августе деревня ожила. Начали приезжать горожане за картошкой. Сначала мелкими «группками», а ближе к концу лета — целыми семьями. В эти дни было шумно, возле сельсовета постоянно играли дети, рядом звучала громкая музыка (ну конечно же, это была Пугачева и ко, но тогда я был рад и этому), по дороге регулярно кто-то проезжал. Ночью пьяные копатели картошки распевали и распивали, громко и от души.

Я не терял времени и сразу же начал ходить по ближайшим дворам с предложением помочь копать. Удивительно, но меня с радостью брали, как только узнавали, что я хочу работать не за водку, а за ту самую картошку. В итоге, под конец сезона у меня набралось 9 мешков и я был обеспечен едой (я пока не думал, как буду ее готовить). Но далось мне это очень тяжело. Когда-то в детстве мне пару раз приходилось немного копать и еще с тех

пор я понимал, что для неподготовленного человека это адский труд. Хотя, может быть это все из-за моей слабой спины. В общем, я копал почти весь месяц и уставал так, что даже читать потом не хотелось. Приползал домой и падал на диван.

Некоторые «наниматели» приглашали меня за свой стол вместе со всеми. Это был настоящий праздник, так как ели они много и вкусно. Опять рассказывать о себе все с начала у меня желания не было, поэтому они меня знали как местного, который здесь вырос.

В это же время у меня начали зреть яблоки, помидоры и огурцы. Яблоки получились на славу, хотя и немного кисловатые, срывал я их уже осенью. С остальным получилось хуже, огурцов уродило много, но все они были огромные и больше смахивали на кабачки. Большинство помидоров же и вовсе пропало («фитофтора» — со знанием дела сказала клубничная бабулька).

Осенью буквально сразу же начало холодать, зачастили ливни, погода была пугающая. Я ходил в бывший колхозный сад собирать ничейные яблоки. Насобирав много и сорт был очень вкусный («белый налив» или как-то так). По утрам брал у бабушки тачанку и катил их до трассы, где и продавал. Возможно вы меня даже видели, проезжая мимо из отпуска обратно на Север. Торговля шла плохо и медленно, приходилось половину яблок везти обратно. Но это была драгоценная наличка, так что я дальше мучился, пока совсем не похолодало.

* * *

Еще весной я хотел запилить обратно электричество в дом, но тогда Илья меня быстро остудил. По его словам, это было слишком дорого и сложно. Пришло время, когда я захотел проверить, все ли так плохо (время, которое пришло, называлось «Осень», с большой буквы, все правильно). По ходу дела я узнал, что деревня, как административная единица, перестала существовать несколько лет назад. Ее «прикрепили» к соседнему населенному пункту, в который я навещался за книгами. Именно туда ходили учиться те несколько детей, которые еще оставались в деревне.

После долгих мытарств по кабинетам и домам чиновников (половина из которых, почему-то, были школьными учителями) я, наконец, узнал подробности. На всю деревню был один трансформатор (что под этим словом они понимают, я не совсем представлял, наверное, имелась в виду большая хрень с проводами, которая стояла возле бывшего магазина). Когда-то с ним что-то случилось и его заменили, но на менее мощный. Люди подключались заново и всем не хватило. Обесточенные кабели быстро растащили, равно как и мой счетчик. Так что никаких особых перспектив электрифицироваться обратно у меня не было. А даже, если бы я настоял, это было мне не по карману.

К тому моменту я уже скорее всего заработал гастрит из-за своего ужасного питания. Было решено теснее интегрироваться в семью Ильи, что я и сделал. Весь свой урожай я перетащил к ним и питался тоже исключительно у них (ужинал как обычно, а вот завтракал и обедал отдельно, сам себе готовил).

Через пару дней после этого я простудился. За все это время ничего крепче насморка у меня не было, но я понимал, что рано или поздно подхватю что-то более серьезное. Жар не спадал несколько дней, я вылезал из

дома только под вечер, чтобы сходить за едой. Потом Илья купил пакетики с каким-то лекарством. Кое-как я выздоровел, хотя были моменты, когда хотелось заснуть и не проснуться. Я еще больше похудел. Сил заметно убавилось, опять накатила депрессия. Сидеть в пустом угрюмом доме было невыносимо, но снаружи постоянно шел дождь, да и заняться было нечем. Днями напролет я читал. Чехов с Лермонтовым спасали меня от безумия, спасибо им за это.

* * *

Чем сильнее холодало, тем отчетливей я осознавал плачевность своего положения. Ни отопления, ни воды, ни газа, ни электричества — так можно жить летом, но не зимой.

Внезапное лирическое отступление. Наверное, сложно понять, почему я так долго игнорировал свои зимние перспективы и никак не готовился. Дело в том, что к осени я уже представлял собой довольно жалкое зрелище. Я казался себе стариком, которому скоро пора умирать. Жизнь, которую я себе когда-то готовил, исчезла бесследно. На смену ей пришло бессмысленное, однообразное выживание. В голове все громче раздавался болезненный вопрос: «А что дальше?». Чтобы на него не отвечать, я укрывался в своих счастливых детских воспоминаниях, как наркоман, колол себе очередную дозу школьных дней, смутно понимая, что дальше будет только больнее.

Перелом случился одним пасмурным утром. Может быть мне надоело себя жалеть, может это инстинкт выживания взял меня за горло, не знаю. Но в голове вместо сопливых сожалений поселилась простая мысль: «Черт, я же еще живой. Я не сдохну в этой дыре» (я трижды переписывал этот абзац, чтобы убавить пафос, надеюсь, у меня получилось).

В голове у меня начал рождаться не очень хитрый, но хоть какой-то план. Я привел себя в порядок и пошел искать счастья в соседний населенный пункт. Главной надеждой для меня была школа. Конечно, я не мог отказать себе в удовольствии мечтать о получении работы учителя информатики. Собственно, а почему нет, думал я. Образование у меня есть, даже опыт работы программистом был. По дороге я уже представлял себя сенсеем и даже начал продумывать свой первый урок. Естественно, мечтать не вредно. Реальность оказалась более прозаичной. В школе был компьютерный кабинет и там даже было несколько машин. Но преподаватель уже имелся (удивительно, не правда ли?). Директриса была не очень приятным человеком и какой-либо помощи от нее можно было не ждать. Но я не сдавался и пытался зацепиться хоть за что-нибудь. Ситуация усугублялась тем фактом, что я никак не позаботился о прописке. В итоге, после нескольких часов разговоров и ожиданий я получил работу в столовой. В мои обязанности входило разгружать грузовик с продуктами, нарезать хлеб, убирать в помещении. Что самое забавное, зарплата была не сильно меньше, чем у учителей, хотя рабочий день был далеко не полным. Еще и покушать можно было, если оставалось (а оставалось всегда).

На этом я не остановился и после уборки в столовой начал ходить по этому, так сказать, городку в поисках еще одной работы. Довольно быстро я забрел на местный хлебзавод. Там люди были куда приятней, чем в школе, и, что самое главное, сговорчивее. Меня выручили водительские права, которые я когда-то получил на школьных курсах проф ориентации. Права

были не простыми, а с возможностью водить грузовой транспорт. Вот эта особенность и дала мне возможность получить работу. Я стал развозить хлеб по району на «Газели». Сначала ездил в утреннюю смену с другим водителем, запоминал маршрут. Затем меня пустили на вторую смену. После работы в столовой я два часа слонялся без дела по школьному двору, а потом шел на завод, загружал полки «Газели» свежим хлебом и развозил это все по местным деревням. Разгружать тоже приходилось самому. И в свою деревню тоже надо было заезжать, но только раз в два дня (потому и хлеб там всегда был черствым).

Такой поворот хорошо меня встряхнул, хоть и не окрылил. Возвращаться домой было всегда больно. Особенно после поездок с включенным радио. Да, радио было, наверное, главной причиной, почему я сразу же не бросил эту убитую «Газель» с этими убитыми дорогами.

* * *

Пора бы ускорить рассказ. Через месяц работы я ушел из школы и взял на себя две смены по развозке. Начал выпадать первый снег, а я начал сильнее задумываться о будущем. Спать в доме уже было почти невозможно. Еще и мыться было негде. Но я терпел, так как других вариантов я пока не видел.

Кроме всего прочего в мои обязанности входило обслуживание «Газели». Конечно, на курсах меня этому всему учили, но прошло уже достаточно времени, чтобы я забыл, куда тыкать для проверки уровня масла. С этим мне здорово помог мой коллега — Сергей Леонидович. В городе такие люди в основном работали таксистами, слушали шансон и пили дешевое пиво. В общем-то, Сергей Леонидович делал почти то же самое, только вместо пива, конечно же, был самогон. Когда-то я откровенно презирал таких людей, но обстоятельства несколько изменились. После смены мы с ним, бывало, задерживались, он мне помогал ухаживать за убитой «Газелью», а я ему травил боянистые анекдоты с башорга, которые еще помнил. За одним таким разговором он узнал, где и как я живу и сильно меня обругал. Ну, ругань эта была «добрая», не знаю, как еще это описать. Оказывается, бывают такие люди, которые резко реагируют на чужую нерасторопность. В итоге я почти в приказном порядке был отправлен на поиски жилья рядом с заводом (естественно, не без «рекомендаций»). На следующий день я прошелся по ближней улице, затем по той, что за углом. Искал старых бабушек, которым нужно было бы помогать. Заходил к ним с широкой улыбкой и начинал разговор с «Здравствуйте! Я от Сергея Леонидовича!». Несмотря на ценные связи с местным шофером, успехом мои поиски не увенчались. Правда, одна бабушка согласилась, но у нее банально не было где развернуться, не то что спать.

В итоге, после очередной смены СГ тяжело вздохнул и сказал, куда и когда мне следует идти, чтобы получить жилье. К моему удивлению, это была не очередная бабулька, а самый настоящий дед. Надо сказать, что стариков за последний год я видел раз в двадцать меньше, чем старушек. Не знаю, какая там статистика, но мужчины в провинции мрут как мухи.

Все свои вещи я перетащил к этому деду. Дед был совсем немощный и плохо соображал, приходилось готовить ему еду, ходить за водой, убираться и т. д. Зато у него было электричество, баллон с газом и (ура!) телевизор.

Свободного времени у меня стало значительно больше, к заводу можно было дойти за 15 минут. Я наконец мог спать без верхней одежды и есть по утрам горячую еду. А еще я, наконец, смог включать свой ноутбук, хотя батарейка сохла окончательно. Перед отъездом я накачал много аниме и книжек, еще захватил музыку. Спустя где-то восемь месяцев, смотреть, читать и слушать все это было очень странно. Я сильно изменился.

Кстати, плату с меня никто так и не взял, наверное моя забота о старике входила в «соц. пакет».

Новый год я встретил там же, внезапно нажравшись самогона до свинаячьего визга. Не пил я уже больше года, да и до этого ничего крепче пива, в основном. Но дед не возражал, а на меня накатила очередная волна безысходности. Но это уже было совсем другое чувство, так как я был в тепле и с едой.

* * *

Выходных у меня не было, хлеб нужен всегда. Пятого числа выдали зарплату и именно в тот день я решил, что так жить больше нельзя. Я устал от этого всего, мне надоело быть лошадьё в упряжке. Я видел по телевизору, как мои ровесники спокойно живут в городе, не перетруждаются, нормально питаются, имеют какие-то развлечения и планы на будущее. И для меня было очевидно, что они не умнее и не лучше меня. Я поставил перед собой задачу — любой ценой вернуться в город. И, если подумать сейчас, это была половина дела. За этот год я делал то, о чем и подумать не мог, живя в теплой квартире, работая в мягком кресле и попивая сладкий кофе. Жить без интернета? Без воды? Без отопления? Без электричества? Добывать деньги на стройке? Спать в вагоне с сельскими пьяницами? Пахать на огороде под жарким солнцем с утра до вечера? Сидеть на обочине и продавать яблоки? Развозить хлеб? Если бы год назад мне кто-то об этом сказал, я бы просто рассмеялся. Я бы сказал, что со мной такого не может быть, просто потому, что не может и точка. Тем не менее, при всем ужасе моего положения, когда мне что-то действительно нужно было, я это получал, пусть и ценой огромного труда и лишений. Будь у меня такая же уверенность в себе год назад, возможно, я бы не уехал, а как-нибудь зацепился бы в городе.

За это время я кое что заработал. Этого могло хватить на два месяца проживания в какой-то дешевой комнате (но не в ДС). Был выбран другой миллионник, в котором я когда-то бывал. Конечно, я рисковал, так как, в случае неудачи, назад водителем меня бы уже не взяли и возвращаться было некуда. Но я уже решил и отступать не хотел.

Уволившись, упаковав вещи и попрощавшись с дедом и с Сергеем Леонидовичем, который на удивление хорошо воспринял мое решение, я приперся на автобусную остановку. Автобус опоздал на час, дороги были ужасными. Потом пересадка в областном центре и опять дорога. К вечеру я был на месте. Искать квартиру в такое время суток было бессмысленно, пришлось ночевать на автовокзале. Ближе к утру ко мне начала приставать местная гопота. Очевидно, по одежде определили меня, как глупого провинциала. В итоге чуть не дошло до драки, но вмешались несколько работников вокзала, что меня и спасло.

Жутко уставший, я побрел осматривать столбы в поисках предложений по сдаче комнат. Пришлось потратиться, чтобы обзванивать их с автомата. Везде заламывали уж очень неправдоподобные цены. То ли кризис уже

закончился и все вдруг разбогатели, подтолкнув цены, то ли обнаглевших барыг стало больше, но я уже начал подумывать, что совершил большую ошибку. Через какое-то время я догадался купить местную газету с объявлениями. Там я и нашел приемлемое жилье.

Это была двухкомнатная квартира, в соседней комнате уже кто-то жил, но, очевидно, был еще на работе. Хозяйка — ходячий еврейский стереотип, показала мне мои апартаменты (постоянно бросая на меня косые взгляды). Я оплатил на месяц вперед плюс еще какой-то странный задаток, сути которого я до сих пор не понимаю. Соседом оказался мужик лет сорока, плиточник, тоже иногородний. Но к этому моменту (моменту написания этой части) он уже выселился. Кровать в моей комнате была старая, но гораздо лучше, чем все, на чем я в последнее время спал. Наконец-то была ванная с душем (в день заселения я пролежал в ней часа два), газовая плита и холодильник. Бытовой рай во плоти.

Деньги быстро заканчивались и я спешил найти себе работу. В первый же день поисков я наткнулся на удобную подработку на местном рынке — всего-то нужно было в шесть утра приходить и разгружать мороженное мясо, занимало это все от силы часа полтора. Чуть позже я начал расклеивать листовки. Этого хватало на еду и немного оставалось.

И вот, совсем недавно, я купил себе приличную одежду (ну хотя бы чистую и без дырок) и ринулся на поиски более нормальной работы. Неделю назад я устроился «айтишником» в местный филиал одной большой фирмы. Собеседование было на удивление пустяковым, несмотря на то, что я уже год как выпал из индустрии. Взяли меня на испытательный срок, помогли оформить прописку, что придает мне уверенности в будущем.

Сейчас я сижу за своим рабочим местом в чистой белой рубашке, попиваю свой сладкий кофе, улыбаюсь другим сотрудникам и набираю последнюю часть своего рассказа.

Да, мне сейчас хорошо и я практически счастлив (потому и решил это написать). Но мне не хочется делать из этого рассказа какой-то вывод. Все, что со мной случилось, было чередой случайностей и никакой закономерности здесь искать не нужно. Это далеко не история успеха, так как еще зимой 2009-го года я работал программистом и был обеспечен гораздо лучше, чем сейчас. И будь у меня друзья или родственники или, хотя бы, сбережения на черный день, со мной бы никогда такого не произошло. Подобные испытания, возможно, делают человека более сильным, но, в то же время, они запросто могут вас сломать. К тому же, кому нужна эта так называемая сила? Она может пригодиться только в экстремальных ситуациях, а я вернулся в свою теплицу и небеса не пронзаю. Для меня эта история — трагедия со счастливым концом. Надеюсь, для вас тоже.

P. S. Простите за неровный стиль изложения.